

Татьяна БАТЕНЕВА

ВНУЧКА,
ЖУК
И МАРИАННА

ЖЕНСКИЕ ИСТОРИИ

Татьяна Батенёва

**Внучка, Жук и
Марианна (сборник)**

«Центрполиграф»

2011

Батенёва Т. А.

Внучка, Жук и Марианна (сборник) / Т. А. Батенёва —
«Центрполиграф», 2011

Любимая бабушка Кати неожиданно умерла, оставив внучке в наследство старый дом на окраине Московской области, кошку Марианну и пса по кличке Жук. Катя попрощалась с бабушкой, более или менее привела в порядок хозяйство и собиралась вернуться в Питер к работе. Но у Жука и Марианны были свои планы... («Внучка, Жук и Марианна»). Давно потерявший своих хозяев пес Арчибальд бродяжничал, пока не оказался под колесами машины Стаса Полякова. Так у него появился новый дом. Однако вскоре Стас попал в беду, и пришла очередь Арчибальда выручать нового хозяина («Боцман Арчибальд»).

© Батенёва Т. А., 2011

© Центрполиграф, 2011

Содержание

Внучка, Жук и Марианна	5
Телеграмма	6
Кто ловит мышей	9
Мятные пряники	11
Золотой мальчик	15
Две дороги	17
Неужели в тот дом?	19
Бабушка умерла	21
Поминки	23
Заговор дворовых	25
Дама с собачкой	27
Отморозок Васька	29
Завещание	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Татьяна Батенева

Внучка, Жук и Марианна

Повести

Внучка, Жук и Марианна

Повесть

Марианна сидела на крыше. На западе плавился край заходящего солнца. Она не моргая глядела на разлив света. Зеленые глаза переливались золотом, словно внутри горели две свечи.

На крыше было тепло, струился вверх поднимающийся от нагретого железа воздух, но снизу, от земли, наплывали прохладные волны. Конец мая, а у весны все еще не хватает сил отогреть настывшую землю, отпарить огороды.

Острые запахи поднимались слоями: сырая почва, свежие листья тополей, отцветающие нарциссы. В пруду пели лягушки.

Марианна чутко слушала вечерние звуки, ловила потоки весенних запахов. Но они не волновали ее, как обычно. Предчувствие близкой беды электризовало кровь, не давало успокоиться и ощутить всю прелесть весны.

Мягко ступая, она спустилась по приставной лестнице, проскользнула в открытую форточку. Пора было устраиваться на ночлег.

Телеграмма

Телеграмму принесли ранним утром. Катя спросонок, удивившись почти забытому способу связи, подписала какую-то бумажку замшелому старичку-доставщику. И развернула бланк с мелко напечатанными строчками: «Болею приезжай попрощаться бабушка».

Сон мигом пропал. Телеграмма пугала не столько содержанием, сколько совсем не бабушкиным стилем. Ее явно писал чужой человек. Бабушка никогда бы не написала так сухо, обязательно было бы обращение – детка, да, именно так. И в конце стояло бы – целую, твоя бабушка.

Катя с отчаянием вчитывалась в какие-то еще буквы и цифры – явно технические отметки, пытаясь там найти объяснение страшной телеграмме.

Она уже полтора года не была у бабушки, хотя звонила каждую неделю, а раз в месяц посылала деньги. В телефонных разговорах бабуля всегда была веселой, шутила, смеялась. Ничто не настораживало Катю, не заставляло думать о болезнях или немощи, хотя жила бабушка одна в своем стареньком доме, в небольшом поселке на окраине Московской области.

Катя даже пару раз собиралась поехать навестить старушку, но в последний момент отказывалась от этой идеи. Она просто не могла приехать к ней в том растерзанном состоянии, в котором жила последние полтора года. Сил притворяться хватало только на телефон, при встрече бабушка без труда разглядела бы ее отчаяние и тоску, сама бы расстроилась, принялась бы вздыхать по ночам и пить корвалол... Нет, этого Катя допустить не могла.

И, понимая всю шаткость этих обоснований, убеждала себя: вот еще немного – и она сама справится, забудет все, сможет снова радоваться жизни, смеяться по пустякам, шлепать по лужам после летнего дождя... И тогда непременно поедет к бабушке.

А пока она еще продолжает вздрагивать, услышав в коридоре голос Алексея, пока не открывает в комнате тяжелые шторы, чтобы яркий свет не высвечивал безжалостно привычные вещи, не напоминал о прожитых вместе годах. Пока ходить по любимым питерским улицам больно – сколько раз они бродили тут вместе... Пока все это не отпускает, она не может, не может показаться на глаза бабушке несчастной, брошенной, ненужной... Ведь это бабуля всегда говорила: ты обязательно будешь счастливой, детка!

Катя повертела телеграмму в руках, словно на обратной стороне листка могла прочесть что-то важное. Нужно ехать, это ясно. Отпустит ли Вероника?

Она представила породистое лицо начальницы – ироничный взгляд, дорогой мейк-ап, несмываемый круглогодичный загар... Ясно увидела: Вероника сидит во главе стильного стеклянного стола, небрежно покачивая туфелькой на высоченном каблуке. Рядом – все они, немногочисленные сотрудники агентства, внимают ее речам. Напротив Алексей, преданно смотрит ей прямо в глаза, и она чуть заметно изгибает бровь, явно подавая ему какой-то лишь им двоим понятный сигнал. А сбоку – она, Катя, брошенная жена, ненужная, как сломанная кукла, из которой вынули ее нехитрые кишочки, и теперь она даже не может сморгнуть глупыми фарфоровыми глазами, чтобы не потекли слезы...

Катя попыталась сосредоточиться на телеграмме, но мысли предательски поползли по давно затверженному пути. За эти месяцы она устала от них, от пережевывания одних и тех же воспоминаний, но ничего не могла с собой поделать.

Она все еще пыталась найти момент, в который ошиблась, сделала или сказала что-то не так. Ведь не просто же так умерла его любовь к ней. Ведь был же момент, наверное не замеченный ею, когда в их отношениях что-то треснуло, надломилось. А она-то, дура, ничего не заметила, продолжала смотреть на него влюбленными глазами, ловить его желания, угадывать их еще до того, как он сам осознавал, чего хочет...

Вот они с Алексеем на первом экзамене в университете, сидят за соседними столами, и он вдруг подмигивает, заметив, что девушка явно полумертвая от страха... Вот они уже в обнимку бродят по Воробьевым горам – в благоухающей сирени заходятся соловьи. Вот снимают крошечную комнатку у злобной старухи Серафимы Петровны – над ее ядовитостью, засаленным халатом и шишками среди реденьких волос даже смеяться сил нет. А вот уже после выпуска едут в родной Алешкин Питер – ей он сразу сказал, что непременно вернется только домой, – и провожающая их бабушка вытирает глаза платочком с кружевной каемочкой...

«Двенадцать лет вместе, всю взрослую жизнь. Как это случилось? Как я могла допустить, что Алексей, мой Алешка, с которым мы с упоением строили планы на всю дальнейшую жизнь, верный рыцарь, друг и брат, мой любимый и единственный, как он тогда сказал? «Ты сильная, ты все понимаешь, с ней я стану, наконец, самим собой...» А со мной, значит, ты был сам не свой? А как же наши ночи, наши бессонные ночи, наши мечты о ребенке, нет, двух детях – мальчике и девочке? И наши общие проекты – да-да, те, что потом ты с такой легкостью «довел» с Вероникой...»

Катя помнила, как вмиг остыло тогда ее сердце, стало глыбой льда, как даже кожа, всегда теплая, покрылась тонкой ледяной корочкой. Она стала ходить какой-то ненатуральной механической походкой, а лицо застыло маской – когда она улыбалась клиентам, ей самой казалось, что ледяная корочка на лице трескается и осыпается с шелестом...

Зато в голове все кипело и взрывалось. Именно тогда она стала работать сутками, тогда родились лучшие ее проекты. Вот тот социальный ролик про мальчишку-беспризорника она придумала в первую же ночь после того, как Алексей ушел... Мальчуган роется в мусоре и находит выброшенного плюшевого медведя с полуоторванной лапой. Прижимает его к себе, шепчет: «Хочешь, я теперь буду твоей мамой?» Вероника, стальная Вероника, и та прослезилась, увидев ролик. И агентство получило первый приз на международном конкурсе социальной рекламы...

«Только приз этот ты получал с Вероникой, а не со мной, и на вечеринке по этому поводу даже не упомянул, что придумала победный ролик я, а не ты и не Вероника... А я улыбалась, чокалась с вами и старалась не заплакать».

Катя потрясла головой, чтобы отогнать надоевшие, как больной зуб, мысли.

«Что же с бабушкой?! Неужели она умрет? Что это значит: приезжай попрощаться? Нет, она не поступит так, не оставит меня одну-одинешеньку на белом свете! Надо принять душ, собраться и бежать на работу, чтобы застать Веронику, подписать заявление на отпуск. Ах да, надо же позвонить! Когда же я в последний раз разговаривала с бабушкой? Неделю, нет, девять дней назад?» Катя быстро перебирала кнопки на телефоне: зуммер запищал далеко, словно в космосе, – звонок, второй, третий... Она представила, как заливаются оба бабушкиных телефона – один на кухне, и второй, параллельный, на столике у кровати. В доме тихо, пахнет сухими травами, повсюду стоят вазы с неизменными букетами – весной с веточками, летом и осенью с цветами, зимой с высушенными бессмертниками... Нет ответа. Бабуля, что же с тобой случилось? Где ты, неужели в больнице? И кто отправлял телеграмму?

Под мелким противным дождем Катя добежала от метро «Невский проспект» до особняка, где размещалось их рекламное агентство. Знакомый охранник небрежно кивнул в ответ на ее «здрассе». Поднялась на третий этаж, раскрыла мокрый зонт в своем отсеке – большая комната была разгорожена легкими серыми перегородками на клетки, но все равно вся жизнь тут протекала, как на юру. Мельком посмотрелась в зеркальце, пригладила растрепавшиеся волосы и пошла к начальству.

Офис Вероники был устроен на высоком подиуме и отгорожен стеклянной стеной с затейливыми жалюзи – когда ей надо было, хозяйка кабинета просто закрывала их и оказывалась

в полном уединении, но большую часть дня жалюзи были раздвинуты, и владелица агентства могла наблюдать за своими сотрудниками сверху.

Вероника уже была на работе, как всегда элегантная, свежая, в стильном сером костюме и белой блузке. Присев на край стола, она машинально гладила пальцами дорогую цепочку белого золота на своей эйфелевой шее и болтала по телефону, по привычке обворожительных женщин столь же машинально строя глазки невидимому собеседнику. На столе стояла простая стеклянная ваза с огромным букетом белых нарциссов.

– Можно? – Катя заглянула в дверь.

Вероника призывно поманила ее рукой, не прерывая разговора. Наконец попрощалась, весело улыбнулась Кате:

– Привет! Что у тебя с утра пораньше?

– Вот, заявление на отпуск. – Катя протянула бумагу.

Вероника прочитала, слегка нахмутив безупречный лоб.

– А что случилось-то? Ты же вроде не собиралась? И потом, на целый месяц, это просто невозможно, у нас контракт с «Фармасьютикал продактс», ты ответственный исполнитель... И срок сдачи проекта – 30 июня. Месяц всего времени. Ты же просто не успеешь!

– Мне очень надо. Бабушка заболела, срочно надо ехать. – Катя не поднимала глаз. – А для «Фармасьютикал» у нас уже почти все готово, придумано – и ролики, и печатная реклама, и баннеры... Марина и Илья закончат без меня.

– Ну, не знаю, а если заказчик потребует переделок?

– Но я же к тому времени вернусь и доделаю, если что...

– А бабушке никто другой не может помочь, только ты?

– Никто, только я, – пробормотала Катя.

– Ну ладно, я подпишу, но, если сможешь вернуться раньше, сделай милость.

Вероника ослепительно улыбнулась и шикарным росчерком подписала заявление.

Катя выскочила из стеклянного офиса, мечтая не просто уехать, а улететь, испариться, исчезнуть. Чтобы не видеть ни этой победительной улыбки, ни длинных ногтей с замысловатым маникюром, ни модной стрижки колорированных волос. И вообще никогда в жизни больше не видеть красавицу и умницу Веронику.

Кто ловит мышей

Медсестра Тоня вышла на крылечко, перекрестилась на небо и, по-старушечьи покачив головой, бочком стала слезать с высоких ступенек.

– Совсем плохая Васильевна, надо же, – бормотала она себе под нос. – Надо Геннадия Трофимовичу сказать, пусть бы зашел сам...

Марианна проводила ее долгим взглядом, зевнула и принялась приводить в порядок блестящую шерсть. Утренний визит медсестры нарушил ее привычный режим, пришлось раньше времени прервать туалет. Да и вообще чужие в доме, их голоса, запахи, шаги ее раздражали.

– Слышь, Мариванна, а чего это Тоня сказала такое про Бабушку? – свесил лохматое ухо набок сидящий под крылечком Жук. – Я не понял, чего это «совсем плохая»?

– Не Мариванна, а Марианна, а коротко Мэри, мужлан, – презрительно скосилась на него Марианна. – Сколько раз говорить!

– Да ладно тебе, какая разница! – твякнул Жук. – Ты дело говори!

– Болеет Бабушка, что тут непонятного! – Марианна несколько раз лизнула грудь, приглаживая растрепавшиеся волосы. – Болеет, а из больницы сбежала. Тоня уколы делала, ругалась.

– Ох, только бы не померла наша Бабушка, – пригорюнился Жук. – Куда мы с тобой тогда денемся, пропадем совсем... И супу сегодня не даст, наверное. Опять придется всухомятку...

– Тебе лишь бы пожрать! – фыркнула Марианна. – Какой ты все-таки болван! Никаких чувств, одна миска со жратвой на уме!

– Да-а-а, тебе хорошо, – заныл Жук. – Ты мышь поймала – и сыта, а мне куда деваться? По помойкам шляться, как в молодости? Так там этот Одноухий со своими шавками все с утра подчистил. Сиди теперь голодный!

– Ну так и ты лови мышей, кто тебе мешает, – съехидничала Марианна, которая никогда не ела пойманных мышей. Охотиться, выследить, поймать – другое дело, но чтобы есть сырую мышь, да еще в шерсти – фи! Но она прекрасно знала, что Жук на дух не выносит даже мышиный запах.

– Фу, гадость какая! – взвился Жук. – Что я тебе, кот какой-нибудь облезлый, чтобы по мышам шарашить?

Марианна засмеялась и одним прыжком вскочила на забор, прошла по нему, извиваясь всем телом и выражая крайнюю степень презрения. Она никогда не считала Жука за стоящего пса, хотя порой беззастенчиво пользовалась его защитой в ссорах с соседскими кошками. Когда перевес был явно не на ее стороне, она стремглав мчалась к будке Жука и пряталась за его лохматой спиной, куда не рискнула бы сунуться ни одна из этих деревенских дур.

Марианна приехала в деревню из Москвы совсем крошечным котенком и всегда считала себя столичной дамой, хотя порой ее тревожили рассказы Бабушки о том, что ее якобы нашли на помойке в коробке с другими такими же выброшенными за ненадобностью бедолагами. Сама-то она твердо знала, что такого быть не могло, стоит только посмотреть на ее аристократические пропорции, элегантный силуэт и манеры. Она не сомневалась, что произошла от знатных родителей и лишь тайная злоба недоброжелателей или каприз судьбы могли забросить ее в помойную коробку.

Вот почему она так обожала мексиканские телесериалы, которые частенько неотрывно смотрела, устроившись на коленях у Бабушки. Собственно, и свое роскошное имя она получила в честь какой-то героини давнишнего сериала. По молодости лет она тогда и знать этого не знала. Лишь Бабушка иногда рассказывала полузабытый сюжет, но кроме того, что Марианна была бедная-несчастливая, а потом стала счастливая и богатая и вышла замуж за своего Рональдо, ничего существенного рассказать не могла.

Бабушка, всю жизнь преподававшая литературу, обожала английские сериалы по классическим произведениям, которые тщательно и любовно следовали перипетиям бессмертных романов. Все прочие – латиноамериканское и отечественное, наскоро сляпанное «мыло» – она смотрела, иронично комментируя, но все-таки смотрела. Марианна понимала почему: после смерти мужа, тоже учителя Сергея Петровича, она страшно тосковала в одиночестве. Но держалась мужественно, навещавшим ее ученикам и коллегам улыбалась весело. И только Марианна слышала, как Бабушка плачет по вечерам, перебирая старые письма и фотографии – Сергея Петровича, дочери Лизы и зятя Александра, внучки Кати... А днем, тщательно прибранная и деятельная, она хлопотала по своему немудреному хозяйству, встречала гостей, читала вслух соседским ребятам или вязала крючком под бормотание телевизора.

На Марианнин изысканный вкус, сериалы подчас действительно были довольно примитивны, но завораживали красотой кадра и обещанием большого счастья. Бабушка, иногда увлекавшаяся сюжетной линией, даже вздыхала, сморкалась в платочек, но Мэри твердо знала, что в конце все будет хорошо: все потерянные дети найдутся, все злодейки получают по заслугам, все невесты выйдут замуж... Она, как могла, рассказывала все это Бабушке, но добрая старушка только крепче прижимала ее к себе, чего Марианна, по правде сказать, терпеть не могла. Но терпела из уважения к Бабушке, хотя потом, когда серия заканчивалась, долго дергала хвостом и приглаживала вздыбившуюся от фамильярности шерсть...

Марианна обошла свои владения, с высоты забора покосилась на известного всей округе бродячего кота Василия, валявшегося под кустом смородины, – в хорошем настроении Мэри звала его иронично Бэзил, в плохом нещадно била по наглой морде когтями, – проверила, не помечены ли чужаками любимые места отдыха...

Июньское солнце пригревало, хотелось тоже завалиться куда-нибудь под куст и поспать... Но тут на крылечко потихоньку вышла Бабушка. Несмотря на жару, она куталась в вязаный платок, мелко переступая ногами в меховых тапках. С трудом села, отдышалась.

– Ох, день-то какой теплый будет, – еле слышно проговорила Бабушка. – Мэричка, иди сюда, ко мне.

Марианна подошла, покрутилась у бабушкиных ног, вспрыгнула на колени. Она чувствовала, как из старушки потихоньку вытекает жизнь, пыталась как-то помочь ей, согреть зябкие руки...

– Что, хорошая моя, поесть хочешь? – Бабушкин голос, совсем слабенький, услышал и Жук. Собственно, услышал он только слово «поесть» и с готовностью подбежал к крылечку, гавкнул приветственно.

– И ты, Жучок, тут? – Бабушка закашлялась. – Сейчас посижу, подождите, вынесу вам поесть.

– Да ладно, Бабушка, успеется, – сконфузился Жук, что есть духу замельтешив хвостом. – Чего там, еще рано...

Мятные пряники

Катя приехала на Ленинградский вокзал в 9.40. Пока переехала на Белорусский, ушла последняя электричка, пришлось ждать конца перерыва, слоняться по привокзальной площади, попить чаю в замызганном кафе.

Она снова и снова перечитывала бабушкину телеграмму, уговаривала себя: старушка просто обиделась на то, что внучка долго глаз не кажет, вот и сочинила такой грозный текст. Но в глубине души знала, что не стала бы бабушка так шутить.

Сердце сжималось. После гибели родителей Катя до сих пор не могла расстаться с чувством жестокого сиротства, хотя дела и жизненные передрыжки порой заслоняли его – но лишь на время.

Иногда посреди самого обычного дня, а чаще ночью она вдруг абсолютно явственно вспоминала мамину улыбку или отцовскую привычку поднимать очки на лоб, а потом долго искать их... Глаза щипало, ощущение сквозной дыры в груди, через которую дует холодный ветер, охватывало с такой силой, что она поднималась, шла на кухню, включала чайник, забиралась с ногами на стул, брала в руки первую попавшуюся книжку – лишь бы отвлечься, переключить сознание... Утешить ее умел только Алексей, стоило ему пришлепать вслед за ней на кухню, заспанному, лохматому, и крепко обнять, шепча какие-то совсем неподходящие слова... Но теперь он, наверное, точно так же утешает Веронику. Хотя представить себе красавицу и умницу сиротливо сидящей на ночной кухне просто невозможно. Но, может быть, и у нее есть свои тяжелые минуты?

Она попыталась представить Веронику плачущей, растерянной, обиженной – ничего не выходило. Победительная улыбка, уверенность, цепкий взгляд – Катя всегда завидовала таким женщинам, но понимала, что ей этого не дано. Она не умела нравиться, показывать себя в выгодном свете, демонстрировать свои таланты. Алешка и разглядел-то ее как-то случайно – сам говорил, на экзамене по физике. Она отвечала нестандартно, свободно, так, что ее слушали не только члены приемной комиссии, но и трепещущие за своими столами абитуриенты. Она и чувствовала себя свободно – любимый репетитор Алексей Андреевич сумел передать ей не только умение решать задачки и запоминать формулы. Он сам был влюблен в физику и прививал эту любовь школярам, которые готовы были слушать... Но после экзамена Катя снова превратилась в тихую мышку со светло-русой косой, завязанной простой лентой.

И когда Алексей подошел к ней после, предложил погулять по Ленгортам, сначала отнекивалась. Она просто тогда напугалась – высокий, красивый, с длинными вьющимися волосами парень, с которым она и не знала, о чем говорить... Но потом все оказалось легко и просто. Он вообще оказался легким, Алешка, легким и талантливым во всем. И когда после матмеха вдруг загорелся компьютерным дизайном, и когда решил, что самое перспективное дело сейчас – реклама, и легко перешел в крупное рекламное агентство Петербурга, и ее перетащил за собой... Да, было время, когда он ни на день не мог с ней расстаться. И вот оно прошло...

Мысли ее разрывались между надоевшими воспоминаниями и тревогой за бабушку... Два с половиной часа в электричке Катя едва выдержала, ежеминутно поглядывая на часы. Сидящий напротив не слишком трезвый мужик все пытался заговорить с ней. Но она отделывалась односложными ответами, так что в конце концов он обиделся и захрапел, привалившись к окну.

Знакомую дорогу от станции она пролетела в десять минут, хотя обычно шла дольше, наслаждаясь парным деревенским воздухом, запахом листвы яблонь и вишен, тянущих к ней листья сквозь заборы, наивным вьюнком, заплетавшим придорожные сорняки. Сейчас ей было не до пасторальных картин, почти задыхаясь, Катя вбежала в старенькую калитку.

Дверь в дом была распахнута настежь, в проеме колыхалась тюлевая занавеска. Из-под крылечка, потягиваясь, вылез Жук, брехнул для порядка, но тут же узнал, подбежал, норовя облапить и поцеловать.

– Здравствуй, здравствуй, Жучок, я тоже рада! – Катя потрепала пыльный загрибок. – Где бабушка?

– Бабушка дома, лежит, наверное, – пригорюнился Жук. – Все болеет.

Мимо занавески из двери скользнула Марианна, посмотрела зеленым глазом на приезжую, принялась тщательно причесываться.

– И ты тут, Мурочка! Привет! – Катя поднялась на крылечко, вытянув шею, заглянула в дом. – Бабуля, ты где? Я приехала!

Марианна не удостоила вниманием очередную фамильярность, но все же не усидела, протекла в дом вслед за Катей.

Шторы оказались задернуты, со свету в доме было темновато, и Катя не сразу разглядела на кровати бабушку, укутанную в одеяло и укрытую сверху теплым платком. Седая голова, бледное сморщенное лицо почти не выделялись на белой наволочке.

– Катюша, внученька, приехала все-таки, – прошелестела бабушка. – Ну, обними меня...

Катя подошла, обхватила невесомое облачко, в которое превратилась бабушка.

– Ты что же, не ешь совсем, да? – сдерживая слезы, сказала она сердито. – Я вот тебя буду ругать, разве так можно?

– Не шуми, я ем, ем, – слабо улыбнулась бабушка. – Только не в коня теперь корм...

– Ничего она не ест, – наябедничала Марианна. – Молока попьет, и все. А суп только нам с Жуком варит.

Она неслышно вспрыгнула на постель, плюхнулась на ноги бабушки, занимая свое законное место и намекая Кате, кто в доме хозяйка. Но Кате было не до выяснения отношений, она старалась не заплакать, потому что видела: бабушка в телеграмме ничего не преувеличила. Жизни в ней и впрямь осталось чуть-чуть.

– Знаешь что, я сейчас чаю свежего заварю, будем чай с сушками пить, я привезла, и заварки хорошей, – весело проговорила она. – И пряники твои любимые, мятные. И я тебе все расскажу... Ты встанешь или сюда принести?

– Встану-встану, – грустно усмехнулась бабушка. – Я встаю, ты не бойся, это я так, полежать решила после обеда.

Сил у бабушки хватило на две чашки чаю и полчаса разговора. Она виновато покачала головой: «Пойду лягу, устала...» Катя проводила ее в постель, подоткнула одеяло, подождала, пока бабушка уснула – дыхания было совсем не слышно. Потом убежала в сад и долго, отчаянно плакала, подвивая и сморкаясь.

Бабушку она помнила столько, сколько саму себя. Маленькой жила у нее по полгода, когда мама и отец уезжали в экспедиции. Бабушка читала ей сказки, рисовала кукол, которых можно было вырезать из картона и потом придумывать им разные бумажные наряды. Бабушка мастерила ей карнавальные костюмы на елку, выслушивала школьные новости, помогала разобратся в сложных взаимоотношениях с одноклассниками и учителями. И первые советы о том, как вести себя с мальчиками, ей тоже давала не мама, а бабушка...

Бабушка сохранила совершенно семейное, родственное отношение к классикам литературы. Когда Катя стала большая и умная, она хихикала над тем, как самозабвенно бабушка любила Пушкина и гордилась им, будто он был ее лучшим учеником. Лермонтова она жалела за печальное детство и несносный характер. Перед Толстым благоговела, как перед иконой, а Достоевского побаивалась и говорила о нем шепотом. Чехова обожала восторженно, до боли душевной, и словно чувствовала себя виноватой, что такой короткой и грустной была его жизнь...

По-своему она относилась и к другим писателям, которых не было в школьной программе. Благодаря ей Катя перечитала Лескова и Соколова-Микитова, Гиляровского и Пришвина и классических европейцев – Шекспира, Диккенса, Гюго, Бальзака, Мериме, Золя, Голсуорси, Теккерея... Собрания сочинений в бабушкиных книжных шкафах, которые та собирала всю жизнь, были для нее знакомыми, как родная улица.

Прожив огромную часть своей жизни – да почти всю жизнь – с дедом, бабушка тяжело пережила его смерть, но все же справилась, устояла. Катя знала, что этот брак не был простым – дедушка, красавец и музыкант, в молодые годы очень нравился женщинам. Наверное, были у него и романы на стороне, во всяком случае, однажды в чулане она нашла старый портфель, битком набитый письмами к нему.

Прочитав из острого любопытства одно, в котором неизвестная женщина изливала свою любовь и тоску, Катя долго сидела в чулане ошарашенная. Хотелось прочесть и остальные, но она не решилась. Щеки горели, она и представить не могла, что ее седой, благообразный и молчаливый дед, часами игравший сложные пьесы на аккордеоне, был когда-то объектом пламенной любви. Она не стала даже разбирать надписи на конвертах, хотя почерки там были явно разные. Запихала рассыпавшиеся пожелтевшие листочки в портфель и засунула его на самую верхнюю полку. И с того дня стала совсем по-другому смотреть и на деда, и на бабушку...

И вот теперь бабуля, последний близкий, родной ей человек, уходит. Ощущение сиротства прижало, повисло на плечах. Как-то сразу обессилев, она посидела на траве, потом встала, отряхнулась. В зарослях мелькнул пушистый хвост Марианны. Удивительная все-таки у бабушки кошка – всегда оказывается там, где происходят основные события.

Катя побрела в дом. Разобрала сумку, повесила вещи в шкаф.

– Катюша, – тихонько позвала бабушка, – подойди. У нас в ванной нагреватель барахлит, воду не греет. Ты сходи к соседу, Николаю Петровичу, скажи, я просила зайти посмотреть. А то тебе с дороги и не помыться...

– Это какой же Николай Петрович? – преувеличенно бодро спросила Катя. – Тети Галин муж, что ли?

– Да что ты, – слабенько захихикала бабушка. – Галин Колька не Петрович, а Никифорович, и в электричестве разбирается, как я в космических кораблях. Николай Петрович – это внук бабы Зины Савостьяновой. Баба Зина-то в прошлом году умерла, а он приехал и живет тут, дом новый строит. Он военный бывший, в технике хорошо разбирается. Холодильник мне починил... Сходи попроси его, он не откажет.

Бабушка устала, произнесла такую длинную речь, откинулась на подушки. Но Кате показалось, что она и разговаривает, и смеется явно бодрее, чем до сна. А может быть, ничего, поднимется еще, с новой надеждой подумала Катя. Она переоделась, пригладила волосы щеткой и пошла к неказистому домику бабы Зины.

– Есть кто живой? – неуверенно спросила Катя, войдя во двор. Окна в домике были распахнуты, большой, страшный даже на вид пес валялся в большом сетчатом вольере. Он открыл один глаз, гулко гавкнул на Катю, но быстро осекся и снова уложил тяжелую башку на лапы.

Катя боязливо обошла вольер, завернула за дом. Увидела котлован с залитым бетонным фундаментом, из которого торчали прутья арматуры. В котловане ковырялся в каком-то механизме здоровенный мужик, голый по пояс. Спина странно блестела какими-то полосами. Подойдя ближе, Катя разглядела на ней грубые, кое-как заросшие блестящей светлой кожей рубцы. Там, где рубцов не было, спина была загорелой, оттого и казалась полосатой.

– Простите, это вы Николай Петрович? – робко спросила Катя. – Здравствуйте!

Мужик разогнулся, повернулся к ней лицом. Коротко стриженные волосы отливали металлом, лицо, заросшее тоже седоватой неряшливой щетиной, блестело от пота и было хмурым и неприязненным. Быстро схватил какую-то застиранную рубаху, напялил на себя.

– Ну! – не здороваясь, произнес он. – Вы кто?

– Я внучка, – заторопилась Катя. – Екатерины Васильевны внучка, Катя меня зовут. Бабушка просила вас, если сможете, зайти, водонагреватель посмотреть. Он у нее сломался, – совсем упавшим голосом закончила она. Ее сильно обескуражил такой прием, и Катя уже жалела, что послушалась бабушку, поперлась к незнакомому человеку.

– Зайду вечером, погляжу, – хмуро буркнул мужик. – Как она, Екатерина Васильевна?

– Спасибо. Плохо, – неожиданно для себя самой сказала Катя. На глазах закипели слезы. – Спасибо, я пойду.

– Да не за что пока, – еще раз буркнул мужик и снова склонился над своей механической штуковиной. – Часа через два зайду, скажите ей.

Золотой мальчик

Вечером Катя сварила овсянки, попыталась накормить бабушку. Та проглотила пару ложек, виновато покачала головой: не лезет. Чаю выпила с удовольствием и съела пряник. Катя опять подумала: а вдруг поправится, встанет, и на душе стало как-то легче.

Ее удивило, как посветлело лицо бабушки, когда на крылечке послышались шаги. Такие тяжелые, что хлипкие доски пола застонали и заскрипели, как немазаная телега.

– Катюш, встречай, Николай Петрович идет, – забеспокоилась она. – Пусть зайдет ко мне.

Катя с независимым видом вышла в коридорчик, поздоровалась.

– Зайдите к бабушке, она зовет, – сухо сказала она. Ей было неприятно вспомнить, каким просительным девчачьим тоном она разговаривала с этим неприветливым субъектом, и самое главное, как чуть не расплакалась при нем.

На этот раз, в джинсах и светлой рубашке, он выглядел моложе и как-то цивилизованней, что ли, хотя щетина на лице осталась такой же клочковатой и хмурое выражение лица не изменилось. Пригнув голову, он вошел в низкий проем двери, привалился к косяку. Бабушка разулыбалась ему навстречу.

– Голубчик, Николай Петрович, спасибо, что зашел! – заспешила она. – Посмотрите наш агрегат, пожалуйста, а то без горячей воды, как без рук.

– Сейчас, Катерина Васильевна, гляну. – Он поставил на пол серый пластмассовый чемоданчик с инструментами. – А вы как, встаете?

– Встаю-встаю, вот Катюша приехала, мне теперь получше будет. – Бабушка по-родственному ласково смотрела на хмурого соседа. Катю даже кольнула досада: подумаешь, какая радость этот бирюк! – Вы посмотрите, а потом зайдите ко мне, хорошо?

– Зайду, – отлепился от косяка сосед. Подхватил чемоданчик и по-хозяйски протопал в ванную. Катя не пошла следом – раз так все знает, сам разберется. Она взяла кастрюльку с недоеденной кашей, вышла во двор. Жук радостно подскочил к миске, захлюпал кашей.

Вдоль забора прошла неслышно Марианна, запрыгнула на крыльцо, просочилась в дом. Катя походила среди кустов смородины, понюхала цвет на старом боярышнике, посидела на скамейке у распускающихся пионов... Наконец ей наскучила собственная независимость, и она пошла в дом.

– ...Немного осталось, может, день, может, неделя, – услышала она голос бабушки. – Вы уж не оставьте девочку мою, заклинаю вас. У нее ведь никого нет, кроме меня. И поддержать в жизни некому. Вы человек порядочный, надежный, обещайте помочь, если что. На вас только и надеюсь.

Катя обмерла. По всей видимости, бабушка обращалась к нелюдимому соседу, и речь шла о ней, Кате. Да как она может, совсем чужому человеку!..

– Не волнуйтесь вы, Катерина Васильевна, – прогудел в ответ низкий мужской голос. – Она девушка взрослая, сама себе хозяйка. Если что по хозяйству, я, конечно, всегда помогу, только вряд ли ей деревенская жизнь по нраву, она же в Питере живет, вы говорили. Не думайте вы о плохом, бога ради! Что вы все помирать собираетесь! Никто не знает свой срок...

– Я знаю, Николай Петрович, – спокойно сказала бабушка. – Старые знают, поверьте мне. И не про хозяйство я. Вот похороны эти, хлопоты – ей тяжело будет, а помочь некому решительно. И дальше ей одной страшно будет в жизни. Помогите вы, я спокойна буду на том свете.

– От ты, елки зеленые! – громыхнул сосед. – Ну вы совсем, Катерина Васильевна! Конечно, помогу, если нужно будет, только рано вы засобирались. Все! Бойлер я вам починил, пойду, не говорите мне больше нечего, мы еще с вами по грибы сходим!

Катя отскочила от двери, спрыгнула с крылечка. Ей было неловко, что подслушала разговор, который вовсе не предназначался для ее ушей. Но возмущение захлестывало: бабушка, родная бабушка, препоручала ее какому-то хмурому индюку, который даже разговаривать толком не умеет.

«Индюк» вышел на крыльцо, оглянулся, увидел Катю. Мотнул коротко стриженной головой и, не прощаясь, открыл калитку.

Катя тихонько прошла в дом, заглянула в бабушкину комнату. Та лежала, положив поверх одеяла худые сморщенные руки, по форме кисти, по длине пальцев так похожие на ее собственные, что Катя опять чуть не заплакала.

– Бабуля, ты как? – Сглотнув, она склонилась над постелью.

Бабушка открыла глаза, улыбнулась:

– Все хорошо, Катюш. Я тебе сказать хотела, там в комодке, в верхнем ящике, мое завещание и деньги, на всякий случай...

– Ты что, бабуль, какое завещание, что ты говоришь...

– Подожди, дай сказать... Это чтобы ты не металась, если что. Я все приготовила, там платье, белье, туфли. И помни, Николай Петрович тебе первый помощник, если сама не справишься...

– Грубиян он, твой Николай Петрович. Разговаривать не умеет, – насупилась Катя.

– Коля-то? Ну какой он грубиян, он застенчивый очень, и мальчиком такой был, душа нежная...

– Так ты его учила, что ли? – с опозданием догадалась Катя. – Тогда почему по отчеству величаешь?

– Ну как же... Он герой, за родину сражался, тяжелую рану получил... Как же мне его не величать, – усмехнулась бабушка. – Я им горжусь, мальчик золотой.

– Мальчик! – фыркнула Катя. – Какой он мальчик, мужик неотесанный! Ни здрасте, ни пожалуйста!

– Ну ладно, не кипятись, – едва заметно улыбнулась бабушка. – Иди прими душ, Николай Петрович все починил, руки-то золотые у него.

Две дороги

Николай вернулся домой расстроенный. Катерина Васильевна явно сдала даже по сравнению с позавчерашним вечером, когда он привез ее из больницы и отбил по ее просьбе телеграмму в Питер. Он вспомнил, как с недобрым чувством к этой вертихвостке-внучке выводил слова на бланке. Катерина Васильевна не жаловалась, что внучка забыла ее и глаз не кажет. Но все время, даже на больничной койке, беспокоилась: как там Катюша, не случилось ли с драгоценной внучкой чего?

Николай совсем не помнил эту самую внучку. Точнее, помнил какую-то пигалицу с двумя бантиками в косах, которая все время прыгала в классики перед домом учительницы. А взрослой барышней он ее не то не видел, не то не запомнил. Впрочем, уехав из села в училище двадцать лет назад, он наезжал редко и ненадолго – на несколько дней, чтобы помочь бабе Зине по огороду весной да осенью.

Тихая безответная бабушка растила его на свою и его пенсии после того, как отец погиб на стройке «заводского» пятиэтажного дома – в стельку пьяный, провалился в неогороженный пролет лестницы как раз с пятого этажа. Через полгода угасла и мать, болезненная и забитая женщина.

Тринадцатилетний Колька остался вдвоем с бабушкой и от отчаяния учиться перестал и начал хулиганить так, что им заинтересовался участковый, толстый и одышливый капитан Сенчуков. После очередного налета на чужой сад или пропавших из привокзального киоска сигарет он долго, пыхтя и потя, отчитывал Кольку, грозил колонией и судом. Но потом, вздыхая, отпускал – до очередной проделки. Все это кончилось бы очень плохо, если бы не Катерина Васильевна...

Николай закурил, включил чайник. В памяти тот разговор остался так ярко, словно случился совсем недавно. В тот мокрый осенний вечер учительница увидела его через забор и позвала: «Коля, зайди-ка на минутку!»

Стесняясь грязных рук и драных штанов, он вошел в дом, стоял, переминаясь у двери. «Пройди сюда, на кухню, – услышал он голос Катерины Васильевны. – У меня как раз пирожки успели, давай чаю попьем».

Он отнекивался, но учительница мягко велела пойти вымыть руки, усадила его за стол, налила огромную кружку сладкого чая, выложила горячие пирожки с большого противня. Тут он сломался – есть хотелось страшно, а дома ничего не было, кроме пустой картошки и вечных соленых бабы-Зининых огурцов.

«Ты вот что, Коля, – сказала Катерина Васильевна, когда он выпил две кружки чаю и слупил не меньше десятка пирожков. – Послушай меня, а потом сам решай. Ты сейчас в таком возрасте, когда сам определяешь, как будешь жить. Можешь пойти по черной дороге и пустить свою жизнь в распыл, растратить на зло. А можешь выбрать дорогу белую, стать человеком, делать добро. Голова у тебя светлая, ты способный, много в тебе заложено такого, что другим, может быть, и не дано. Конечно, тебе трудно, без родителей, с одной бабушкой. Но ты потерпи, не падай духом. Если поймешь меня, если выбор сделаешь в пользу хорошего в себе, я тебе помогу всем, чем смогу, – школу хорошо закончить, в институт поступить. Если нет – жаль мне будет, очень жаль...»

Колька сидел, свесив голову и глотая противные горькие слезы. С ним никто до сих пор так – по-взрослому, но без зла, без ругани – не разговаривал. Он стыдился поднять глаза, чтобы Катерина Васильевна не увидела этих позорных слез. Но она как будто и это поняла. Погладила по заросшей голове: «Ну, иди, Коля, иди. Я буду ждать твоего решения».

Он вылетел с крылечка как ошпаренный. И с того дня началась новая жизнь Кольки Савостьянова. Он бешено учился, зубрил пропущенное, нагонял класс. Катерина Васильевна

писала с ним диктанты, в которых он делал сначала по 40, потом по 30, потом уже по 10 ошибок. Математичка Марина Геннадьевна, иронично улыбаясь, после уроков часами гоняла по примерам и задачкам. Сергей Петрович давал книжки по истории и географии, научил разбираться в автомобилях, велел бегать по утрам кросс не меньше пяти километров... К десятому классу Николай выровнялся на твердые пятерки и четверки и без труда поступил в военное училище...

Катерина Васильевна была для него дороже и важнее даже бабы Зины, которую он похоронил три года назад. И когда жизнь загнала в очередной тупик, она сыграла немалую роль в его решении вернуться в деревню, поменять все еще раз. Поэтому и внучка – эта бледная петербургская барышня – вызывала лишь недоумение и неприязнь.

Как можно было оказаться такой холодной, расчетливой штучкой при такой бабушке, он не понимал. Ну да, деньги присылала, материально, так сказать, поддерживала. Но разве это надо было стареющей, нездоровой и совершенно одинокой женщине? А ведь она растила эту внучку, любила до безумия. В последнее время только о Катюше и говорила, ее фото разглядывала часами, письма перечитывала...

Николай допил остывший чай и вышел из дому – после тяжелых рабочих дней на доме очередного заказчика своя стройка продвигалась медленно, сил и времени на нее не оставалось. Надо сегодня хоть с фундаментом закончить.

Неужели в тот дом?

Вечерний теплый свет заливал двор. Жук, неурочно получивший миску каши, дремал от сытости, валяясь в густой траве. Марианна вышла на крыльцо, села, несколько минут пристально смотрела на банду воробьев, ссорившихся из-за места на крыше сарая. Потом лениво зевнула...

– Чё там, Мариванна? Как Бабушка? – поднял лохматое ухо Жук.

– Бабушка лежит, собралась умирать, – нехотя ответила кошка, на этот раз проигнорировав фамильярное обращение. – Приходил Сосед...

– Ну, чё сказал?

– Не нукай, болван, – сморщилась Марианна. – Бабушка поручила ему присмотреть за Внучкой.

– А он чё?

– Чё-чё! – передразнила Марианна. – Расстроился, конечно, сказал, что присмотрит.

– Да, дела-а-а! – Жук сел, потряс кудлатой головой. – Значит, и впрямь помирать собралась. – Он коротко взвыл, сам испугался и замолчал.

– Так-то ей вроде получше, – нехотя сообщила Марианна. – Но это просто положительный этот... стресс.

– Чего это – стресс? – свесил голову набок Жук.

– Вот деревенщина! – фыркнула кошка. – Ну от радости, что Внучка приехала. Ты же знаешь, как она ее любит.

– Да-а-а, – приуныл Жук. – Уж точно больше, чем нас...

Марианна отвернулась и стала вылизывать разлохматившийся бочок. Она была уверена, что больше всех Бабушка любит ее, потом уже Внучку, потом свои розы, а совсем последним болвана Жука, который часто не по делу будил Бабушку ночью своим лаем. Бабушка вставала, выходила на крылечко в наброшенном на ночную сорочку теплом платке и урезонивала пса: «Ну что ты, Жучок, спи, не лай, соседей будишь!» На самом деле соседские собаки – Полкан печника Столетова и противная выскочка Лада, визгливо заливавшаяся всю ночь напролет, охраняя добро тети Гали-Хохлушки, шумели гораздо сильнее, но Бабушка конфузилась за Жука.

– Слышь, Маш, – не утерпел Жук, – а если помрет, что с нами-то будет?

Марианна продолжала вылизываться, сделав вид, что не услышала. На самом деле этот трагический вопрос не давал ей покоя уже которую ночь. Она с детства на законных основаниях спала в ногах на постели Бабушки. Маленькая тревога возникла, когда она почуяла, что бабушкины ноги стынут все сильнее и сильнее. Старушка вставала несколько раз за ночь, тревожа кошку, пила сильно пахнувшие капли и таблетки, потом, охая, ложилась снова... В последние недели Марианна почти не спала, прислушиваясь к прерывистому дыханию Бабушки.

«Что с нами будет? – думала Марианна. – Меня-то, может быть, Внучка еще заберет с собой, в далекий город Санкт-Петербург. А беднягу Жука точно выгонит на улицу. Куда ему податься? Да и меня захочет ли еще взять?» – Марианна никогда не питала особой нежности к Внучке, наезжавшей время от времени на несколько дней и так же стремительно уезжавшей... К тому же в эти дни Бабушка занималась только Внучкой, а на долю привыкшей к своему месту в доме Марианны внимания вовсе не оставалось.

«А вдруг она отдаст нас в Тот Дом?» – Кошачье сердце сжималось. Марианна знала из рассказов старых кошек, что на окраине рынка есть Тот Дом, в котором сидит толстый Тот Человек в неопрятном белом халате. Он лечил больных коз, коров, делал им какие-то загадочные прививки, иногда приезжал на дом и принимал роды у коровы или свиньи, холостил кабанчика...

А иногда к нему отводили старых и больных кошек и собак, которые никогда не возвращались из Того Дома. Хозяева оставляли их там и выходили, понутив виноватые головы. Что делал с животными Тот Человек, никто не знал, но явно что-то страшное. Потому что потом, ближе к ночи, он на своей вонючей зеленой машине вывозил большие мешки на окраину леса и закапывал их в старый мелиоративный ров.

Марианна смутно помнила, как он пришел и в дом к Бабушке, мял толстыми пальцами Марианнин живот, потом больно уколол ее длинной иглой... Очнулась она на подстилке у батареи от страшной боли, живот был перетянут бинтом, голова кружилась, а рядом сидела Бабушка и горько плакала.

Что произошло с ней, Марианна не понимала, но точно знала, что виноват в этом Тот Человек. Она долго тогда болела, пряталась по темным углам, не подходила к Бабушке... А когда выздоровела, вылизала длинный шрам на животе, ободрав вокруг него шерсть, и поняла, что в ней что-то навсегда изменилось.

Она больше не металась по дому, учуяв запах влюбленного в нее красавца Барсика из дома напротив, не отвечала на домогательства драного Васьки. Ей вообще все коты стали безразличны, а кошек она стала гонять и кусать при каждом удобном случае, испытывая мстительную радость. Возможно, ее ненависть была вызвана тем, что те каждый год приносили по десятку-другому котят, а у нее их больше не было.

Единственный ее малыш, серый пушистый комочек Тиша, которого незадолго до визита Того Человека так быстро отняла у нее приехавшая из столицы противная Полина Ивановна, остался тоскливым воспоминанием. И даже фото вальяжного котяры, которое Полина Ивановна привезла через пару лет и долго невежливо тыкала им в Марианнину мордочку со словами: «Ну, посмотри на сыночка, полюбуйся, какой красавец!» – не произвело на нее никакого впечатления.

Тиша был маленький, уютный, мягко урчал, когда давил лапками на ее живот, сосал молоко... В дородном котище на фото не было ничего от ее родного малыша. Марианна на всякий случай длинно царапнула толстую руку Полины Ивановны и, пока та верещала и требовала йоду, выскользнула за дверь и долго отсиживалась в сарае...

– Марусь, ты что, не слышишь, что ли? – гавкнул Жук. – Я кого спрашиваю?

– Не гавкай, – сверкнула глазом Марианна, – все я слышу. Не знаю я, что с нами будет. Узнаю – тогда скажу. – И, мотнув пушистым хвостом, ушла в дом.

Бабушка умерла

Катя проснулась часов в шесть утра, как будто что-то толкнуло ее под сердце. Она поднялась с узенькой кушетки, которую притащила в бабушкину комнату с вечера, подошла к кровати.

Бабушка лежала на спине, ровно положив руки поверх одеяла. Лицо спокойное, морщинки разгладились, на губах полуулыбка. Но Катя сразу горько поняла: неживая.

Она тихонько позвала, дотронулась до руки – холодная.

Катя села у ног бабушки, слезы текли из глаз сами, капали на одеяло.

– Что же ты, бабуля, не позвала меня? – горько спросила Катя.

Бабушка молчала, легко улыбаясь.

Катя покружила по дому, пытаясь собрать мысли. Надо же что-то делать... Вспомнила про наказ бабушки обращаться к соседу. Упрямо наклонила голову – угрюмый дядька был бы последним, к кому она хотела обратиться за помощью.

Так, надо вызвать доктора, сама себе поручила Катя. Позвонить в амбулаторию, обязательно в школу – бабушкины коллеги как раз и захотят, и смогут помочь. Еще рано, в школе наверняка никого нет... Она еще раз потерянно подошла к бабушке в глупой надежде, что ей только показалось, что бабуля сейчас откроет глаза и скажет обычную присказку: «Куда ночь – туда сон, пора вставать!» На кровати сидела кошка, напряженно смотрела на Катю.

– Уходи отсюда! – Катя досадливо махнула на нее рукой. – Видишь, что случилось? Тебе тут не место, иди на улицу.

Кошка странно посмотрела на нее, тяжело прыгнула на пол, пошла к двери. Как смотрит, подумала Катя, будто все понимает. Она выпустила Марианну на двор, потом открыла верхний ящик комода. Там и правда в идеальном порядке лежали тщательно сложенные вещи: белая сорочка, бумазейные чулки в резиночку, вишневое шелковое платье, кружевной шарф... Под ними обнаружился большой запечатанный конверт. Завещание, поняла Катя, но тут же запихнула его поглубже – тяжело было бы сейчас доставать, читать...

Она оделась, расчесала волосы, завязала их черной лентой. Промаявшись до полвосьмого, позвонила в амбулаторию, потом в школу...

Машина погребения завертелась. Пришел пожилой благообразный доктор Геннадий Трофимович, выписал справку о смерти. Потом прибежала заплаканная медсестра Тоня, заохала у постели, сказала, что «обмоет и обрядит». Потом пришла группа взволнованных учительниц, наперебой советовавших Кате, куда поехать за гробом, венками и еще чем-то, где заказать отпевание, к кому обратиться на кладбище и в церкви.

– Бабушка же вроде неверующая была? – робко сказала Катя.

– Что вы такое говорите, Катя? – скорбно поджала накрашенные губы самая активная, историчка Виктория Никифоровна. – Она же крещеная, православная. Как можно в наше-то время? Непременен надо панихиду и сорокоуст!

– Да-да, – заторопилась Катя. – Я закажу, только я-то сама некрещеная, это ничего?

– Ну мы сами все закажем, чего уж, – осуждающе покачала головой Виктория Никифоровна. – И вам бы надо покреститься, как же так?

Катя, уже давно не вступавшая в дискуссии на околорелигиозные темы, промолчала – знала, что бесполезно сообщать о своих атеистических взглядах, теперь повсеместно и напоказ осуждаемых.

Люди приходили и уходили, протопала к постели бабушки соседка тетя Галя, громко плакала и сморкалась в огромный носовой платок. Причитала с украинским акцентом: «Да шо ж ты, горемычная наша, серденько свое не сбэрэгла!» Тетя Галя, смолodu и всю жизнь прожившая в России, так и не освоила подмосковный говор, «гэкала» и «шокала», за что и

прозывалась на улице Хохлушкой. Удивительным было то, что ее мужа Николая, коренного захаровского, привезшего себе жену «с армии», тоже звали Хохлом, и он даже откликался.

Приходили какие-то женщины, приносили цветы, что-то рассказывали о бабушке и собственном детстве Кате, которая бродила по дому, не находя себе места. Казалось, весь поселок когда-то учился у бабушки, и теперь люди считали своим долгом прийти и посочувствовать то ли Кате, то ли себе.

Пришел даже Леха Черт, деревенский алкаш, в грязной, разорванной на пузе майке, растирал заскорузлой лапищей слезы и сопли по опухшей физици. Из его несвязных воплей впоремешку с матом выяснилось, что он тоже когда-то учился у бабушки...

Ближе к вечеру пришел, точнее, ворвался в дом и сосед Николай Петрович, в строительном комбинезоне, с грязными руками. «Прораб, – неприязненно подумала Катя, – мог бы хоть руки помыть...»

– Где? – хрипло выдохнул он, вбежав в темный коридор. – Почему мне не позвонили?

Катя пожала плечами: почему, собственно, она должна была звонить?

– У меня нет вашего номера, – тихо сказала она.

Он посмотрел сначала на бумажку, припиленную к обоям рядом с телефоном – на ней только сейчас Катя разглядела номер сотового и крупно написанное «Николай», – потом с укором на нее. Стараясь не топтать, вошел в комнату. Бабушку уже переодели, положили в гроб, поставили вокруг вазы с цветами. Кто-то принес икону, зажег перед ней лампадку. Кате все это казалось каким-то странным спектаклем, бабушка лежала среди белых кружев какая-то чужая, другая.

Николай постоял в дверях, потом растерянно посмотрел на свои руки, потоптался.

– Я приду еще, переоденусь только, – глухо сказал он Кате. – Что помочь?

– Да ничего вроде, все уже делается. На кладбище поехали, договориться на послезавтра, на утро...

– Поминки здесь, в доме? – спросил он неожиданно.

– Учителя сказали, закажут в кафе, – упавшим голосом отвечала Катя. – Я ведь не знаю, как надо...

– Ну, в кафе, так в кафе, – согласился он. – Вы как, не испугаетесь ночью?

– Н-не знаю. – Катя слегка опешила. Она как-то не думала о том, что ночь ей придется провести здесь, с неживой бабушкой.

– Ну ладно, я приду через час, – примирительно сказал Николай, – обсудим.

Катя кивнула. Было странно, что он разговаривает с ней, как близкий, как родственник, а она так же просто, не задумываясь, отвечает. «Бабушка умерла, все изменилось», – подумала она, и это объяснение показалось совершенно ясным и правильным.

Поминки

Жук горевал, забившись под сарай. Когда рано утром Марианна вышла из дома с убитым видом, он сразу все понял.

Жук заплакал, попробовал повить, но выходило плохо – горло перехватывало. Услышав его, за забором зашлась визгом Лада, выразила соболезнование. Из дальнего угла сада забухал сочувственным басом Полкан: уже все всё знали. Даже вечно ругающиеся по делу и без дела воробьи притихли, на всякий случай отлетели подальше от дома.

Марианна села рядом с псом, прикрыв лапки хвостом, задумалась.

– У-у-у, – убивался Жук, – бедная Бабушка, не выйдет теперь к на-а-ам, оставила нас, сиро-о-от...

Марианна скептически посмотрела на него:

– Тебе Бабушку жалко или супа?

– Ну-у, – остановился от такого коварства Жук. – Бабушку жалко, и супа тоже жалко. А тебе что, все равно?

– Нечего выть, гляди, Внучка еще наподдаст за шум, – посоветовала кошка. – Сиди тихо, народ все время идет прощаться, не привлекай к себе внимания. Похоронят Бабушку, там что-нибудь придумаем.

– Похоронят – это когда закопают, да? – слезливо спросил Жук. – Это Бабушку в землю, что ли?

Марианна величественно махнула хвостом, не спеша пошла по дорожке в сад. Она при-смотрела себе одного глупого воробья на обед, нужно было только обустроиться в засаде и подождать...

Жук поплакал еще, потом поскреб землю под сараем, вырыл ямку и улегся в нее. Раз есть с утра не дали и обеда не предвидится, самое время было поспать.

Желающие попрощаться со школьной учительницей Екатериной Васильевной шли до самого вечера и на следующий день.

Первую ночь с Катей в доме остался Николай Петрович, который заставил ее выпить сладкого чаю и чуть ли не насильно уложил спать в гостиной. Она сначала сопротивлялась, но, к своему удивлению, заснула, как камень, и проспала до шести утра.

Когда утром она вошла к бабушке, Николай сидел в старом кресле и читал какую-то толстую книгу, освещая ее занавешенной настольной лампой.

Бабушка все так же кротко улыбалась, цветы ничуть не увяли. Катя, которая очень боялась увидеть следы тления на ее лице, даже немного успокоилась, ничего подобного не заметив.

Следующим вечером Катя решительно отклонила предложение Николая подежурить ночь и заявила, что справится сама, а вот ему необходимо поспать – за эти сутки без сна сосед явно осунулся и выглядел как тяжелобольной.

Вторую ночь она сама провела в кресле возле бабушки, временами задремывая, но утром совсем не чувствовала усталости. Похоронная церемония, растянувшаяся на полдня, показалась ей короткой. У дома, когда гроб вынесли, многие пожелали сказать прощальные слова, но говорили одно и то же: каким добрым и светлым человеком была Катерина Васильевна и как ее все любили.

Катя смотрела на людей, толпившихся у гроба, поставленного на два табурета, и думала с горечью, как все же мало она знала о бабушке, как мало и редко с ней разговаривала. А теперь и спросить о многих вещах было не у кого.

Виктория Никифоровна властно распоряжалась ходом церемонии, по всему было видно, что ей это и не впервой, и в утешение. Она же сунула Кате в руки тарелку с кутьей, завязанную в белый платок, скомандовала, когда отъезжать на кладбище, когда опускать гроб и закапывать...

Кате казалось, что все происходящее с ней уже было, хотя точно знала, что на похоронах отца и мамы было все по-другому, а на похороны бабушки она и вовсе не попала – была на практике за границей, и ее решили не вызывать. Но тут и деревенское кладбище с его разношерстными и наивными памятниками и крестами, и соседские старушки, и яркий июньский день – все это как будто бы уже было с ней, но как-то в стороне. Словно в старом кино.

Поминки тоже прошли по краю сознания, как будто ей кто-то рассказывал о них. Какие-то люди вставали с рюмками в руке, произносили речи, выпивали, за ними вставали следующие... Почти никого она тут не знала, но понимала, что ее знают все, исподтишка показывают на нее друг другу и, прикрыв рот ладонью, что-то рассказывают про ее жизнь, родителей, про то, что редко и ненадолго приезжала к бабушке.

«Молодые, они все такие, не помнят про стариков», – читала она по глазам шепчущихся. Хотелось сказать, что это не так, что она никогда не забывала бабушку, часто звонила и писала, посылала деньги, но все эти оправдания и ей самой казались жалкими и ничтожными. На самом деле бабушка жила все последние годы без нее, пока она решала свои многочисленные, казавшиеся важными и такие не важные сейчас проблемы...

Наконец, после очередной речи все как-то дружно встали и пошли на выход. Катя растерянно встала у стеклянной двери кафе, кивая и пожимая протянутые руки. Какой-то пьяненький дедушка долго обнимал ее, роняя слезы на свой пыльный пиджак. Две женщины гремели тарелками, собирая недоеденное со столов – все это было каким-то само собой разумеющимся. Катя машинально тоже стала было собирать со столов домашние скатерти.

– Вы не суетитесь, все сделают и без вас, – тихо сказал подошедший к ней Николай, вынимая из стиснутых пальцев кипу грязных салфеток, на которых бабушкиными руками были вышиты какие-то цветочки и вензеля. – Вы останетесь еще или сразу уезжаете? В смысле, в Питер?

– Я не знаю, – неуверенно сказала Катя, не очень хорошо сама понимая, что говорит. – У меня вообще-то отпуск, взяла с бабушкой побыть...

– Ну вот и хорошо, – ответил Николай. – Значит, до девяти дней останетесь.

– Да-да, конечно, – заторопилась Катя, только сейчас вспомнив, что положено еще отметить поминки и на девятый, и на сороковой день.

– Я зайду попозже, собаку покормлю, а то ее, наверное, и вчера не кормили? – полуспросил Николай.

Катя опять с удивлением вспомнила, что да, не кормила Жука, да и кошку тоже.

– А чем покормите? – беспомощно спросила она. – Наверное, надо им сухого корма купить, что ли?

– Не беспокойтесь, найдется чем, вон на тарелках сколько добра осталось, – слегка усмехнулся Николай. – Сухой они вряд ли будут, не приучены в деревне.

Заговор дворовых

Жук сильно удивился, когда Сосед принес ему целую кастрюлю всякой всячины. Он уже было совсем приуныл, поняв, что и сегодня еды не дождешься. Сосед поставил на крылечке и блюдец с молоком – ясное дело, для Марианны.

Она тут же материализовалась из вечернего воздуха, покрутилась у блюдечка. Молоко она не любила, предпочитала сметану, но где уж было Соседу догадаться... Марианна без особого желания полакала молока, испачкав подбородок и фибриссы. Теперь придется целый час вылизываться, с неудовольствием подумала она, то ли дело сметана...

Жук ополовинил миску, уделив особое внимание колбасным шкуркам, хозяйственно прикинул, что и на завтра еще много осталось, носом задвинул миску подальше под сарай – а то много тут всяких ночью шляется, всех не накормишь! Почесал бока, раскидал попросторнее сено в будке и совсем уже было улегся на ночлег, как вдруг увидел в сумерках фосфоресцирующий кошачий взгляд.

– Тьфу ты, Мариванна, напугала, – взбrehнул он. – Чего тебе на ночь глядя?

– Все дрыхнешь? – вопросом на вопрос ответила кошка, внимательно оглядываясь по сторонам. – Ждешь, пока на улицу выкинут?

– Ну вот, – заныл Жук, – только поел в первый раз за два дня, спать собрался, тебе бы вечно настроение испортить! Может, еще не выкинут...

– Есть мысль, – заговорщицки прошептала кошка. – Надо бы обсудить...

– Давай! – загорелся Жук, уж в чем в чем, а в превосходстве Марианны по части мыслей и других подобных штук он и не сомневался. Умна, зараза!

– Внучку надо оставить здесь! – отрезала кошка.

– Это как это? – выпучил глаза пес.

– Замуж отдать, – сыто промурлыкала Марианна.

– Замуж? – обалдел Жук. – За кого это?

– За Соседа, – так же сыто продолжала кошка.

– Дак разве ж он женится? – свесил ухо Жук. – Он же... как это... холостяк?

– Да какой он холостяк! – возмутилась Марианна. – Женат был, сыну сейчас двенадцать лет. Только жена от него четыре года назад к другому ушла и ребенка забрала. Когда он на войне был.

– Да ну? – изумился Жук. – А Бабушка никогда не рассказывала.

– Вот еще, тебе не рассказывала, а я точно знаю, он сам при мне ей говорил, – высокомерно сказала кошка. – Правда, только один раз, но Бабушка ему тогда сказала, чтобы он не горевал, что главное – ребенок, его интересы.

– А у ребенка у нас какие интересы? – деловито спросил Жук. – Охота, рыбалка, футбол, велик?

Его любопытство было не праздным. Конечно, про охоту и рыбалку он сказал для красного словца. Дедушка, прошедший большую войну, был убежденным пацифистом, ни охоты, ни рыбалки не признавал и Жуку не разрешал охотиться. О радостях рыбалки пес знал только по опыту соседских ребятишек, которые часами сидели на берегу хилой деревенской речки с самодельными удочками. Жук, когда было свободное время, тоже посиживал рядом, с любопытством шевеля рыжими бровями, когда на берег вылетала серебристая рыбка. Весь улов составляли эти неказистые рыбешки-ротаны, которых ели даже не все кошки – Марианна, к примеру, брезговала.

Зато Жук был фанатом футбола, блестяще ловил любой, самый крученный мяч, если ему доверяли ворота. Беда была только в том, что мячик ему был нужен особый, спущенный или прокусанный – только так он мог схватить его зубами. Но деревенские ребята не хотели

жертвовать своими мячами. А его собственный резиновый, подаренный когда-то Бабушкой и изгрызенный до состояния решета, уже отслужил и доживал свой век на почетной пенсии под крылечком. Но Жук не оставлял мечтаний о карьере знаменитого вратаря. Впрочем, он живо интересовался и техникой – велосипедами, мотоциклами, автомобилями, обгавкивал их, когда проезжали мимо, а когда получалось вырваться за ворота – долго бежал рядом, взрывая пыль на обочине и разглядывая сверкающие чудеса на колесах... Но благоразумно считал, что в автотоспорте ему ловить нечего. А вот новый партнер по футболу...

– Болван! При чем здесь футбол? – зашипела Марианна. – Интересы, в смысле, чтобы не нервировать его и не рвать от матери к отцу и обратно. Что он уже привык к новому отцу, и не надо ему эти... стрессы устраивать!

– Вот и врешь! – радостно гавкнул Жук. – Сама говорила, стресс – положительный, то есть хороший!

– Сам врешь, – зашипела Марианна. – Стрессы, они и плохие бывают, отрицательные, понял!

– Ну-у, – удивился Жук. – Как это у них все сложно: то положительные, то отрицательные, башку сломаешь!

– Надо его на Внучке женить, вот что. Тогда она здесь останется и нас оставит! – авторитетно заявила кошка.

– Ну да, разве ж это просто – женить? – не поверил пес. – У них же как-то сложно все, не то что у нас. Или даже у вас, хоть вы и воете на крыше целый месяц, как идиоты, – не упустил он возможности подкусить кошку.

– Ф-ф-ф! – Марианна шлепнула по носу Жука лапой с отточенными коготками.

– Ой-ей-ей! – заскулил пес. – Чего дерешься, больно же!

– А ты не брешь ерунды, слушай лучше! – осерчала Марианна. – Внучка в доме еще побудет, поживет неделю-другую. Надо сделать, чтобы она без Соседа тут шагу не могла ступить. Они оба молодые, свободные, наверняка он девушку пожалеет, а она, если узнает его получше, проникнется... А там и влюбятся, возможно... Во всяком случае это для нас шанс, понял?

– Понял! – с готовностью гавкнул Жук, хотя на самом деле ничего не понял. – А чего делать-то?

– Ну, этого я пока не знаю, – задумчиво сказала кошка. – Но буду думать...

– А, сейчас, значит, ничего не надо делать? – расслабился Жук. – Тогда, Мариванна, я посплю, ладно? А то наелся, в сон клонит...

– Вот деревенщина, лишь бы пожрать да поспать! – пренебрежительно фыркнула Марианна. – А еще раз назовешь Мариванной, зенки выцарапаю, понял? Ма-ри-ан-на, понял?

– Понял-понял, – пробормотал Жук, проваливаясь в сладкий сон. Перед помутившимся его взором возникла Бабушка. Она потрепала его по голове ласковой рукой и дала огромный кусок, чуть не полбатона, сырокопченой колбаски... Жук уснул счастливым.

Дама с собачкой

Катя проснулась рано, но еще долго лежала, наблюдая, как на задернутых шторах пляшут тени от шевелящейся листвы. Ветерок перебирал ветви, тени причудливо переливались. Катя вслушивалась в разнообразные звуки старого дома – что-то где-то поскрипывало, пощелкивало, шуршало...

Потом плотно шмякнулось об пол – бабушкина кошка спрыгнула с ее постели, мягко прошлась по половицам. Катя свесилась с высокой подушки – кошка стояла напротив кушетки и неотрывно смотрела ей в глаза.

– Что, выпустить тебя? – догадалась Катя.

Марианна пошла к двери, изгибая в разные стороны кончик вертикально поднятого хвоста. Царственно вышла на затененное деревьями крыльцо, осмотрелась. Катя вышла за ней, поежилась от утренней прохлады. Но солнце уже тянуло свои лучи сквозь ветви, и там, где они пятнышками попадали на кожу, ощущалось тепло.

Катя умылась, оделась, бесцельно походила по дому. Надо было что-то делать, а что – непонятно. Попила чаю. Решила убраться, хотя вчера какие-то расторопные девушки вымыли пол, убрали свечи, сняли тюль с зеркал – убрали все печальные знаки похорон.

Перетерла кухонные полки, разобралась в книжном шкафу, в комод. Вытирая пыль, нашла старые бархатные альбомы с фотографиями, уселась их рассматривать. Плохонькие любительские карточки запечатлели жизнь бабушки и дедушки, их многочисленных друзей, потом ее мамы с подругами. Вот мама уже с папой – молодые, веселые, в какой-то экспедиции... Потом карточки стали лучше качеством, больше, и вот уже она сама – в детском саду, наряженная в костюм Красной Шапочки, в школе – с большим букетом и новым портфелем, потом в старших классах...

Во дворе громко залаял Жук. Катя выглянула в окно. За калиткой видна была широкополая шляпа и темные очки. Жук приплясывал с этой стороны калитки, демонстрируя крайнюю степень ответственности.

Катя вышла во двор, открыла калитку.

– Добрый день! – Дородная дама в брючках-капри, сильно декольтированной блузке и с крошечной собачкой на руках грудью оттеснила ее обратно во двор. Катя успела заметить из-за нее «лексус»-металлик с затемненными стеклами. Жук продолжал насакивать на гостью, имея в виду, скорее всего, даже не даму, а ее ручную собачонку. – Вы ведь внучка хозяйки этого дома? – спросила дама, поднимая очки на лоб. И, не дожидаясь ответа, так же напористо продолжила: – Я хочу переговорить насчет продажи.

– Продажи чего? – отступила на шаг Катя.

– Как чего, дома и участка, конечно! Вы же продавать будете? – почти утвердительно сказала гостья.

– Во-первых, я ничего продавать не собираюсь! – отрезала Катя, приходя в себя. – А во-вторых, кто вы такая?

– Да какая разница! – раздраженно воскликнула дама. Собачонка визгливо залаяла, видимо уловив понятную интонацию. – Мне сказали, что вы продаете, я приехала переговорить насчет цены и задатка.

– Я ничего не продаю и не собираюсь, – уже спокойнее сказала Катя. – У вас неверная информация.

– Ну, девушка! Зачем вам эта развалюха, тем более что вы живете в Питере! – еще более раздраженно заговорила дама. – Я дам рыночную цену, хороший задаток, пока вы будете оформлять наследство. Двадцать тысяч долларов вас устроят?

– Мне не нужны никакие тысячи долларов, – еще более спокойно сказала Катя. – Попрошу вас оставить территорию. Дом не продается.

– Господи, какая фанаберия! – наконец не выдержала дама. – Мы бедные, но гордые, да? Все равно развалюха твоя сгорит, не успеешь оглянуться! Тогда продать будет в сто раз сложнее и цена будет другая!

– Уходите, пожалуйста. – Катя сама пошла на даму, тесня ее к калитке. – И не надо мне угрожать, а то я обращусь в милицию и заявлю, что вы угрожали мне поджогом. Вот тогда и посмотрим, какая будет цена.

– Ах ты, соплячка! – Дама разгневанно нахлобучила на нос очки. Собачка изнемогала от визга, дергаясь у нее на руках, Жук вторил октавой ниже. Получился хорошенький дурдом.

Дама вывалилась за калитку, рванула заднюю дверцу, «лексус» взвыл мотором и уехал. Катя стояла у калитки, уперев руки в бока, и смотрела вслед уехавшей иномарке. Жук радостно прыгал вокруг.

– Шо тут было-то? – приковыляла от своих ворот тетя Галя-Хохлушка.

– Да так, покупательница приезжала, – неохотно сказала Катя.

– Дом покупать?

– Ну да, дом.

– А ты шо же, будешь продавать? – с большим интересом уставилась на Катю соседка.

– Не собираюсь!

– А шо же, пустой будет стоять или пустишь кого? – не унималась тетя Галя. – Пустой-то дом – не жилец.

– Там посмотрим, – погрустнела Катя.

– Ну да, ну да... – Тетя Галя хотела было еще что-то сказать, но Катя медленно закрыла калитку и пошла в дом.

А на самом деле, что же теперь делать с домом? До нее только сейчас дошло, что этот вопрос предстоит решать ей и только ей.

Отморозок Васька

Жук в ожидании обеда тоже обдумывал невеселые перспективы.

– Ну, как дела, Жучка? – хрипло поинтересовался выползший из зарослей крапивы Васька. – Бабушка того, в ящик сыграла? Вас с Манькой теперь, поди, на улицу вышвырнут?

Васька крепко потянулся всем своим жилистым телом, потер изувеченную морду, небрежно почесал единственное ухо.

Жук приуныл. От этого подонка так просто не отделаешься. Васька был самый главный среди окрестных котов, а возможно, и самый главный в поселке. Бесстрашный, злой, весь изрезанный и разорванный в бесконечных драках, он жил сам по себе, брал все, что хотел, без спроса. Украсть зазевавшуюся курицу или придушить злобную городскую собачонку, начинавшую наводить свои порядки «среди пейзажа», ему было раз плюнуть. Местные кошки столбенели перед ним, как деревенские дурочки перед киноартистом, поэтому среди поселковых котят было подозрительно много одинаковых с лица серо-полосатых прогонистых хулиганов.

Но Жук боялся и ненавидел Ваську не за длинные смертельно опасные когти и не за имидж беспредельщика. Васька помыкал им, поскольку знал тайну.

– Пожрать нету? – равнодушно спросил Васька. – А то вчера занят был, ничего не припас.

– Да, есть, есть, – слишком суетливо замахал хвостом Жук. Он залез под сарай, носом вытолкнул миску со вчерашними объедками.

Васька подозрительно осмотрел остатки, лапой выудил почти целую котлету и одним махом проглотил ее. Закусил сыром и брезгливо вывалил остальное на землю.

– Ну ладно, Жучка, я пока посплю. А ты покарауль, а то тут пацаны с Первомайской привязались, всю ночь пришлось отмахиваться. – Васька плюхнулся на землю в тени от будки и тут же захрапел.

Только сейчас Жук заметил на его боку свежую рваную рану, впрочем уже грамотно зализанную.

«Вот еще не было печали, – подумал Жук. – Теперь, пока не выспится, сиди тут как привязанный». У него были планы пробежаться до станции, пообщаться с компанией на привокзальной площади – там всегда знали все свежие новости и сплетни. Но послушаться Васьки Жук не смел.

Когда Дедушка подобрал его на речке, обратив внимание на прибитый к берегу мешок, в котором кто-то поскуливал, Жуку было две недели от роду. Добрый интеллигентный Дедушка принес его домой, отогрел и выкормил, как родного. Единственное, в чем он промахнулся, было определение пола щенка и, соответственно, выбор клички.

Дедушка и Бабушка долго разглядывали найденыша, переворачивая его на спину, что он воспринимал как веселую игру, и вынесли вердикт: сучка, девочка. Назвали девочку, не мудрствуя лукаво, Жучкой, и под этим именем щенок прожил полгода. Пока не стало совершенно очевидно, что Жучка никакая не Жучка. Сконфуженный Дедушка загоревал, но Бабушка утешила его и сказала, что ничего страшного, пусть будет не Жучка, а Жук, тем более что основная масть пса – черная.

Жук воспринял бы переименование спокойно, если бы не бродячий кот Василий, тогда еще совсем молодой и веселый. Он так потешался над бедным новоиспеченным Жуком, что тому пришлось отстаивать свою честь в бою. В нем он, увы, не преуспел, получил несколько глубоких царапин на носу и потерял кусок шкуры. После чего Васька предложил мировую, и Жуку пришлось стерпеть. Но с тех самых пор кот не упускал возможности посмеяться над поверженным Жуком, называя его Жучкой и время от времени взыскивая контрибуцию.

Конечно, Жук мог бы отомстить подлецу Ваське. Он ведь тоже знал всю подноготную brutального красавца от старой кошки Матвеvны, теперь уже покойной. Ваську когда-то при-

везли котенком дачники – интеллигентная московская дама с толстым мужем и таким же толстым сыночком Виталиком. Котенка купили за большие деньги в каком-то клубе (это место Жуку было не совсем понятно, в их поселковом клубе котятами не торговали, да и вообще непонятно было, зачем ими торговать – их и так в поселке было как собак нерезаных) специально для Виталика.

Но котенка так тискали и не давали ему покоя, что он начал царапаться, пару раз распахивал руки не только Виталику, но и самой даме, и в конце лета его выкинули на улицу. А сами уехали обратно в Москву. Васька поголодал, сидя под террасой и горько плача. Добрая Матвевна приносила ему то мышонка, то мясные обрезки, спертые ею в подсобке железнодорожного магазина с риском для жизни. Васька подрос и за два месяца превратился в красивого полосатого кота, но страшно злого и мстительного. Не доставалось от него только старенькой Матвевне. Всех остальных он гонял и драл, не разбирая пола и возраста. Как он выжил суровой зимой, для многих оставалось загадкой, но Жук после знаковой драки нередко пускал его в свою будку погреться, разумеется не афишируя вынужденный скандальный союз, – поселковые псы никогда ему не простили бы столь грубого нарушения правил общежития.

Следующим летом, когда дама с подростком Виталиком и еще более потолстевшим мужем вновь появилась на даче, Васька задумал страшную месть. Он долго выслеживал удобный момент, сидя на крыше террасы. И однажды, когда толстый муж в одних шортах ковырялся во внутренностях своего автомобиля, со всей дури шваркнулся ему на спину, проехав по ней четырьмя лапами. От дикой боли мужик заорал, дернулся, и его стукнуло закрывшимся капотом. Видимо, он что-то задел внутри, и машина тоже заорала диким голосом сигнализации. От этих воплей сидевшая на краю пруда в шезлонге и с журналом в руках интеллигентная дама вскочила, но, потеряв равновесие, рухнула в пруд и тоже завизжала как резаная. Из дома выскочил Виталик, следом за ним старуха в буклях – дамина мамочка. Все кричали, размахивали руками и пытались понять, что происходит.

Жуку, тогда еще совсем мелкому, из-за штaketника была видна вся картина катастрофы, а также слышен зловещий смех Васьки, уже снова взобравшегося на крышу. Пес даже слегка испугался непривычных воплей и сидел поджав хвостик и трясясь мелкой дрожью.

Кудахтающий и подмоченный женский коллектив освободил хозяина из автоплена, оказал ему первую помощь в виде зеленки и пластыря, причем муж шипел и плевался не хуже Васьки. Потом была вызвана скорая помощь, мужа уложили в носилки на толстый живот, поскольку активно разрабатывалась версия «бешеного кота», и увезли в больницу...

При желании Жук, конечно, мог бы эксплуатировать тему беспризорничества и никому-ненужности, чтобы осадить наглость Васьки. Но привитое Дедушкой благородство не позволяло ему пасть так низко. Ведь, как известно, «и крестьянки любить умеют», что он точно знал со слов Бабушки. Да и когти у Василия еще оставались достаточно острыми и крепкими, хотя пары клыков и скорости реакции ему уже явно не доставало...

Вспомнив про Бабушку, Жук опять пригорюнился. Только такая циничная особа, как Марианна, могла считать, что с этой утратой он печалится лишь о похлебке. Вовсе нет. Сейчас он вспомнил, как теплыми летними вечерами Бабушка собирала на крылечке поселковую детвору и читала интересные книжки. К книжкам, правда, прилагались карамельки или пряники, перепадавшие и Жуку, но он любил эти посиделки вовсе не за лакомства. Благодаря Бабушке Жук узнал множество интересных вещей. Например, историю про песика Тотошку, который победил злого волшебника Гудвина. Или про собачку Соню, которая, конечно, была мелкой городской шавочкой, но все же показывала присущие всем собакам ум и сообразительность. А подлинными героями Жука были, конечно, пограничный пес Джульбарс, ловивший нарушителей, и настоящий мужик Мухтар, герой милицейских будней.

Слушая Бабушку, Жук тихонько вздыхал о несбыточном – его-то в ряды Вооруженных сил или хотя бы органов правопорядка не взяли. Конечно, по причине малообразованности.

«Вот если бы я жил в городе и закончил курсы служебного собаководства...» – иногда мечтательно говорил он Марианне. Кошка, которая, кстати, тоже всегда внимательно слушала Бабушкино чтение, только фыркала в ответ: куда, мол, тебе, деревенщине!

Жук вздохнул и покосился на дрыхнувшего Ваську. Ничего не поделаешь, придется ждать, пока проснется.

Завещание

Катя бесцельно побродила по дому, включила чайник, заварила свежего чая. Наглая дама с визжащей собачонкой не шла из головы. Да, что же делать с домом?

Здесь прошло детство, здесь выросла мама, почти всю жизнь прожили бабушка и дед, а до них – прабабушка Поля и прадед Гриша, которые и построили первый сруб на берегу речки. Здесь каждая доска, каждый кирпич были согреты их руками. А старый сад, бабушкин розарий, который она пестовала, как ребенка? А пруд с «пристанью», которую когда-то сколотил отец специально для Кати и с которой они вместе пускали радиоуправляемые модели корабликов?

Продать все это, отдать в чужие руки, людям, которые не будут помнить родные для нее голоса, не будут знать, кто и зачем вбил этот гвоздь, повесил эту полочку, вырастил эту герань? И уехать в Питер, навсегда вычеркнув из истории тихую и достойную жизнь нескольких поколений ее предков? А куда потом приезжать, чтобы навестить их могилы?

От невеселых мыслей ее отвлекли шаги на крылечке.

– Кто там? – крикнула она с кухни. – Проходите, не заперто.

– Можно? – В проеме воздвиглась фигура соседа. – Не помешал?

– Да нет, проходите, пожалуйста!

Он быстро прошел, посмотрел на нее, все увидел – и мокрые глаза, и растерянное лицо...

– Извините, если не вовремя, – протянул ей узкий конверт. – Катерина Васильевна просила вам отдать, когда ее... В общем, когда я ее в больницу отвозил. Забыл вчера, вы простите.

Он потоптался на месте. Катя не знала, что говорят в таких случаях.

– Может быть, попьете со мной чаю? – неуверенно спросила она. – Только что заварила.

– Чаю? Можно, у меня еще с пол часа есть.

Она быстро налила чаю в две кружки, придвинула к нему хлебницу с сушками и пряниками. Полуотвернувшись, разорвала конверт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.